

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ КИТАЙСКИХ АКЦЕНТУАТОРОВ СРЕДСТВАМИ РУССКОГО ЯЗЫКА

ЧЖАО НАНЬНАНЬ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрены языковые трансформации, используемые при переводе акцентуаторов с китайского языка на русский. Анализ выполнен на материале оригинальных текстов выступлений китайских политиков и соответствующих переводных русскоязычных коррелятов. Установлено, что при переводе на русский язык китайских акцентуаторов, употребляемых в политическом дискурсе, применяются лексические, грамматические и лексико-грамматические трансформации. Выделены пять типов лексических преобразований: синонимический перевод, конкретизация, генерализация, модуляция (смысловое развитие), добавление. Показано, что грамматические трансформации предполагают полное или частичное изменение синтаксической структуры и (или) морфологических категорий акцентирующих единиц исходного языка. Лексико-грамматическим преобразованиям подвергаются элементы древнего китайского языка вэньяня, фразеологизмы, коллокации, неологизмы. Необходимость использования трансформаций разных видов объясняется внутренними языковыми причинами (различный лексико-грамматический строй китайского и русского языков), а также прагматическими факторами (стремление переводчиков к максимальной точности передачи информации, заключенной в тексте оригинала, при соблюдении соответствующих норм переводящего языка). Сделан вывод, что наличие переводческих трансформаций особенно важно в политическом дискурсе при репродуцировании высказываний политических лидеров.

Ключевые слова: переводческие трансформации; акцентность; акцентуатор; русский язык; китайский язык.

ПЕРАКЛАДЧЫЦКІЯ ТРАНСФАРМАЦЫІ ПРЫ ПЕРАДАЧЫ КІТАЙСКІХ АКЦЭНТУАТАРАЎ СРОДКАМІ РУСКАЙ МОВЫ

ЧЖАА НАНЬНАНЬ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Разгледжаны моўныя трансфармацыі, якія выкарыстоўваюцца пры перакладзе акцэнтутараў з кітайскай мовы на рускую. Аналіз выкананы на матэрыяле арыгінальных тэкстаў выступленняў кітайскіх палітыкаў і адпаведных перакладных рускамоўных карэлятаў. Устаноўлена, што пры перакладзе на рускую мову кітайскіх акцэнтутараў, якія ўжываюцца ў палітычным дыскурсе, прымяняюцца лексічныя, граматычныя і лексіка-граматычныя трансфармацыі. Вылучаны пяць тыпаў лексічных пераўтварэнняў: сінанімічны пераклад, канкрэтызацыя, генералізацыя, мадуляцыя (сэнсавае развіццё), дапаўненне. Паказана, што граматычныя трансфармацыі прадугледжваюць поўнае або частковае змяненне сінтаксічнай структуры і (або) марфалагічных катэгорый акцэнтуючых адзінак зыходнай мовы. Лексіка-граматычным пераўтварэнням падвяргаюцца элементы старажытнай кітайскай мовы вэньянь, а таксама фразеалагізмы, калакацыі, неалагізмы. Неабходнасць выкарыстання трансфармацый розных відаў тлумачыцца ўнутранымі моўнымі прычынамі (адрозненне лексіка-граматычнага ладу кітайскай і рускай моў), а таксама прагматычнымі фактарамі (імкненне да максімальнай дакладнасці перадачы інфармацыі,

Образец цитирования:

Чжао Наньнань. Переводческие трансформации при передаче китайских акцентуаторов средствами русского языка. Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2021;2:70–85.

For citation:

Zhao Nannan. Transformation in the transfer of Chinese accentuators by means of the Russian language. Journal of the Belarusian State University. Philology. 2021;2:70–85. Russian.

Автор:

Чжао Наньнань – аспирантка кафедры прикладной лингвистики филологического факультета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Т. Н. Савчук.

Author:

Zhao Nannan, postgraduate student at the department of applied linguistics, faculty of philology.
zhaonannan@mail.ru

якая ўтрымліваецца ў тэксе арыгінала пры захаванні адпаведнасці нормам перакладной мовы). Зроблена выснова, што наяўнасць перакладчыцкіх трансфармацый асабліва важная ў палітычным дыскурсе пры перадачы выказванняў палітычных лідараў.

Ключавыя словы: перакладчыцкія трансфармацыі; акцэнтнасць; акцэнтатар; руская мова; кітайская мова.

TRANSFORMATION IN THE TRANSFER OF CHINESE ACCENTUATORS BY MEANS OF THE RUSSIAN LANGUAGE

ZHAO NANNAN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Linguistic transformations used in translating accentuators from Chinese into Russian are considered. The analysis is based on the original texts of speeches by Chinese politicians and their translated Russian-language correlates. It has been established that lexical, grammatical and lexical-grammatical transformations are used when translating Chinese accentuators used in political discourse into Russian. Five types of lexical transformations have been identified: synonymous translation, concretisation, generalisation, modulation (semantic development), addition. It is shown that grammatical transformations presuppose a complete or partial change in the syntactic structure and (or) morphological categories of accentuating units of the original language. Lexico-grammatical transformations undergo: elements of the ancient Chinese language *Wenyan*, phraseological units, collocations, neologisms. The need to use transformations of different types is explained by internal linguistic reasons (the difference in the lexical and grammatical structure of the Chinese and Russian languages), as well as by pragmatic factors (the desire for maximum accuracy in transmitting the information contained in the original text, while observing the relevant norms of the translating language). It is concluded that the presence of translation transformations is especially important in political discourse when reproducing the statements of political leaders.

Keywords: translation transformations; accent; accentuator; Russian; Chinese.

Введение

Акцентность представляет собой категорию, обозначающую смысловое выделение (актуализацию) важных по мнению автора моментов содержания речи, привлечение к ним внимания аудитории. Смысловое акцентирование способствует убеждению адресата в правильности авторской точки зрения и достижению таким образом взаимопонимания между отправителем и получателем сообщения [1, с. 120–121]. В категорию акцентности входят пять микрополей: оценка, усиление, активизация внимания адресата, уточнение и категоричность (некатегоричность). Каждое микрополе включает ряд более мелких составляющих, имеющих свою структуру (см. [2]).

Категория акцентности имеет прагматическую природу, что обуславливает ее особую значимость в воздействующей коммуникации, в частности в политическом дискурсе. Интерес при этом представляет анализ акцентности с точки зрения межкультурной коммуникации, прежде всего в связи с переводоведческой проблематикой.

Перевод – это сложный и многогранный вид человеческой деятельности. Хотя обычно говорят о переводе с одного языка на другой, но в действительности в данном процессе происходит не просто замена одного языка другим: в нем сталкиваются различные культуры, личности, складывающиеся мышления, литературы, эпохи, уровни развития, традиции и установки. Переводом интересуются культурологи, этнографы, психологи, историки, литературоведы, и разные стороны переводческой деятельности могут быть объектом изучения в рамках соответствующих наук. В то же время в науке о переводе – переводоведении – могут выделяться культурологические, когнитивные, психологические, литературные и прочие аспекты [3, с. 23].

Переводчик осуществляет межкультурную коммуникацию, цель и задачи которой могут быть различными. Известный российский специалист по теории и практике перевода В. Н. Комиссаров считает, что результаты переводческой деятельности сводятся к нескольким группам: «Во-первых, задача переводчика может заключаться в обеспечении адекватного понимания рецептором передаваемой информации. Во-вторых, переводчик может стремиться добиться определенного коммуникативного эффекта, создать у рецептора желаемое эмоциональное отношение к передаваемой информации,

вызвать у него соответствующие ассоциации. В-третьих, переводчик может поставить перед собой цель побудить рецептора к каким-то конкретным действиям, вызвать у него определенную практическую реакцию» [3, с. 144].

При переводе на другой язык неизбежно возникают трудности, которые часто связаны с культурными, социальными и другими особенностями страны исходного языка. В частности, проблемы перевода могут быть обусловлены тем, что в оригинале называются какие-то явления, отсутствующие в принимающей культуре, неизвестные рецепторам перевода. Поэтому закономерно, что любой профессионально выполненный перевод включает в себя те или иные виды трансформаций. Под трансформацией в переводоведении понимается «преобразование, с помощью которого можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода» [3, с. 411].

С учетом того, что акцентирующие языковые средства характеризуются национально-культурной специфичностью, естественно предположить, что их перевод с китайского языка на русский предполагает использование разного рода трансформаций. Этим определяется значимость данного исследования, объектом которого выступают переводческие преобразования, осуществляемые при передаче китайских акцентуаторов средствами русского языка.

Теоретические основы исследования

Перевод акцентуаторов является сложной задачей для специалистов, что обуславливает актуальность лингвистического описания акцентирующих языковых единиц, прежде всего с точки зрения сопоставительно-прагматического подхода.

Вопрос о переводческих трансформациях в рамках теории и практики перевода исследовался в разных направлениях, в центре внимания ученых оказывались различные его аспекты: семантико-стилистические трансформации (В. В. Алимов [4], В. И. Никитин [5]), лексико-грамматические и стилистические особенности перевода с английского, французского языков на русский (В. Н. Комиссаров [3], Я. И. Рецкер [6]), теория и практика научного перевода в антропологическом аспекте (Л. М. Алексеева [7]), перевод с общелингвистической точки зрения на материале общественно-политической литературы с английского языка на русский и с русского на английский (Л. С. Бархударов [8], А. Д. Швейцер [9]), теория и практика перевода с китайского языка на русский (Л. Г. Абдрахимов и В. Ф. Щичко [10], В. А. Ростовцев [11]), специфика перевода акцентной речи с русского языка на английский (В. Л. Завьялова [12]). Особенности перевода акцентирующих вербальных единиц с китайского языка на русский до сих пор не были предметом специального изучения.

В лингвистической литературе представлены различные подходы к систематизации трансформаций (см., например, [3; 8; 9; 11]). Разработанные учеными классификации базируются на определенных параметрах, характеризующих разные уровни языка.

Например, Л. С. Бархударов сводит все виды преобразований и трансформаций к четырем элементарным типам: перестановке, замене, добавлению, опущению. В своей теории автор фактически уподобляет переводческие трансформации переводческим приемам. Так, в качестве одного из типов лексических замен он рассматривает конкретизацию, которую в то же время называет и приемом [8, с. 190].

Я. И. Рецкер различает лексические и грамматические трансформации. При этом исследователем выделены семь разновидностей лексических трансформаций: дифференциация значений; конкретизация значений, генерализация значений, смысловое развитие, антонимический перевод, целостное преобразование, компенсация потерь в переводе [6, с. 45]. Грамматические же трансформации, согласно подходу Я. И. Рецкера, могут быть полными или частичными – в зависимости от того, изменяется ли структура предложения полностью (заменяются главные члены предложения) или только частично (заменяются второстепенные члены предложения). Чаще всего эти процессы также сопровождаются заменой частей речи [6, с. 84].

А. Д. Швейцер различает семантические и синтаксические (грамматические) трансформации. Семантические трансформации автор определяет как «описываемые ситуативной моделью виды преобразований смысловой структуры отдельных слов и высказываний в целом», а синтаксические – как «преобразование грамматической структуры высказывания при постоянстве его лексического наполнения». К семантическим трансформациям ученый относит: векторную замену, добавление семантических компонентов, замену семантических категорий, опущение семантических компонентов, перенос, перераспределение семантических компонентов, повтор семантических компонентов, расширение, смещение, сокращение семантических компонентов, сужение. Синтаксические трансформации в данной теории не описываются подробно [9].

Иной подход к созданию типологии переводческих трансформаций предлагает В. Н. Комиссаров. В зависимости от характера преобразований исследователь разделяет трансформации на лексические,

грамматические и лексико-грамматические. К первым он относит формальные преобразования (транскрипция/транслитерация, калькирование) и лексико-семантические замены (конкретизация, генерализация, модуляция), а к наиболее часто встречающимся грамматическим трансформациям – дословный перевод, членение предложений, объединение предложений и грамматические замены. Наиболее распространенными лексико-грамматическими трансформациями В. Н. Комиссаров считает антонимический перевод, прием описательного перевода, а также прием компенсации [3, с. 159–165].

Таким образом, единый подход к систематизации переводческих преобразований отсутствует. Рассмотренные типологии трансформаций созданы на основе разных видов дискурса на материале разных языков. Анализ трансформации применительно к русскому и китайскому языкам на материале политического дискурса до сих пор не проводился. Такая попытка предпринимается впервые в данной работе.

Цель исследования – разработать классификацию трансформаций, актуальных для китайско-русского перевода акцентуаторов, функционирующих в политическом дискурсе. Достижению этой цели подчинены следующие задачи: систематизировать акцентирующие языковые средства, подвергающиеся переводческим преобразованиям; выявить типы трансформаций; охарактеризовать различные виды трансформаций; определить их прагматическую роль. Для решения поставленных задач использовались описательный и сопоставительный методы, а также семантический, функциональный и контекстуальный анализ.

Источником фактического материала послужили 27 текстов выступлений китайских политических деятелей 2000–2017 гг. Было проанализировано около 2 тыс. оригинальных (китайских) контекстов, содержащих языковые единицы с акцентирующим значением, и столько же соответствующих переводных (русскоязычных) контекстов.

Результаты и их обсуждение

Анализ показал, что при переводе китайских акцентуаторов на русский язык используются три вида трансформаций – лексические, грамматические и лексико-грамматические¹, каждый из которых включает свои разновидности. Основанием для их выделения служит характер исходных языковых единиц, которые подвергаются преобразованию. Классификация китайско-русских переводческих преобразований схематически представлена на рисунке.

1. Лексические трансформации. Данный тип трансформаций предполагает замену переводимой лексической единицы словом (словосочетанием) с иной внутренней формой, актуализирующей ту слагаемую иностранного слова, которая подлежит реализации в данном контексте [6, с. 45]. В ходе лексической трансформации смысловое значение лексемы исходного языка (ИЯ) передается неэквивалентными лексическими средствами переводящего языка (ПЯ).

Анализ исследуемого материала позволил выделить пять видов лексических трансформаций при переводе акцентуаторов с китайского языка на русский, таких как синонимический перевод, конкретизация, генерализация, модуляция (смысловое развитие), добавление [13].

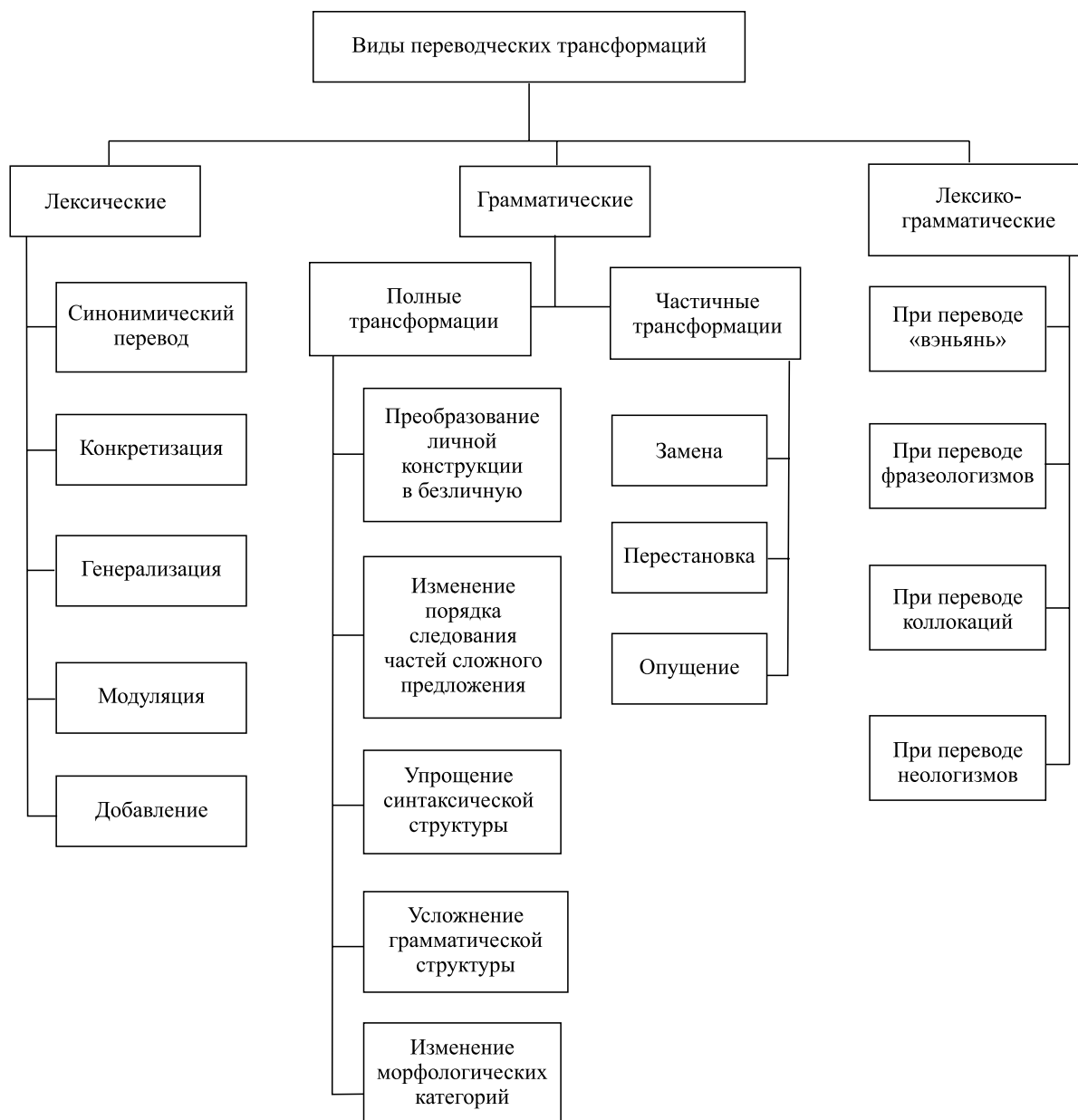
Синонимический перевод предполагает использование существующих на межъязыковом уровне относительных синонимов. Как отмечает Л. М. Алексеева, это «всегда частичные соответствия, корреляты которых при относительно равной семантической информации отличаются либо оттенками значений, либо экспрессивной, эмоциональной или стилиевой окраской» [7, с. 101]. Такие соотносительные синонимические пары состояются из слова оригинала и слова, выбранного из соответствующего синонимического ряда ПЯ. Данный вид переводческой трансформации часто используется при переводе акцентирующих прилагательных, наречий, существительных и глаголов, которые входят в микрополя оценки и усиления. В силу того, что оценка, выражаемая аксиологическими акцентуаторами, градуируется, синонимический перевод позволяет передать степень интенсивности, не нарушая норм переводного языка, например:

(1) 我们应该恪守联合国宪章宗旨和原则 ‘Мы **должны** соблюдать цель и принципы Устава ООН’² – Нам **необходимо** придерживаться цели и принципов Устава ООН³ (KB-1).

¹В таком способе деления обнаруживается методологическая связь с подходом В. Н. Комиссарова (см. [3]). Сходство заключается в исходном таксономическом критерии, а также в эквивалентности терминологических обозначений типов трансформаций первого уровня. В остальном классификации различаются.

²Здесь и далее числами в круглых скобках обозначаются номера примеров, а в одинарных кавычках представлен дословный перевод, выполненный автором статьи. – Ч. Н.

³Здесь и далее в примерах после знака тире приводится профессиональный перевод, размещенный на официальном сайте Министерства иностранных дел КНР.

Типы трансформаций при переводе акцентуаторов с китайского языка на русский
Types of transformations when translating accentuators from Chinese to Russian

Выражению 应该 соответствуют следующие варианты перевода: 1) ‘быть должным; следует, полагается; необходимо, нужно, должно’; 2) ‘заслуженно, поделом; как и следует’⁴. Можно полагать, что в примере (1) использование синонимического перевода позволяет смягчить категоричность высказывания.

(2) 共同推动建设持久和平 ‘Давайте будем прилагать совместные усилия к строительству **длительного мира**’ – Давайте будем прилагать совместные усилия к строительству **прочного мира** (KB-2).

В подстрочном переводе словосочетание 持久 имеет значение ‘долговечный’, ‘длительный’⁵. Но 持 в китайском языке также обозначает ‘несокрушимый’. Таким образом, семантический потенциал словосочетания 持久 допускает использование синонима *прочный*, предопределяемого его синтагматической близостью к слову *мир*. В данном контексте синонимический перевод используется в целях соблюдения норм русского литературного языка, а также более точной передачи оценочного значения.

⁴См.: Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=应该> (дата обращения: 10.03.2021).

⁵Там же. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=持久>.

(3) 取得了一些列**重要**成果 ‘Налицо ряд **важных** результатов’ – *Налицо ряд **крупных** результатов* (KB-3);

(4) 俄罗斯发挥着**重要**作用 ‘Россия играет **важную** роль’ – *Россия играет **весомую** роль* (KB-3).

В примерах (3) и (4) **重要** ‘важный’ при переводе заменяется близкими по значению прилагательными *крупный* и *весомый*. Это, очевидно, объясняется тем, что в китайском языке **重要** ‘важный’ имеет выраженную книжную окраску. Данный оценочный акцентуатор редко употребляется в разговорной речи, он более характерен для официального общения, в том числе для политической коммуникации. При этом устойчивые сочетания *крупные результаты* и *весомая роль* актуальны для публицистического стиля русского языка. Таким образом, в данном случае синонимический перевод позволяет сохранить смысловую и стилистическую адекватность оригинала.

(5) 战争是一面**镜子**能够让人更好认识和平的珍贵 ‘Война – это **зеркало**, которое позволяет людям лучше понять ценность мира’ – *Война – это **урок**, который помогает лучше понять, как дорог мир* (KB-4).

В примере (5) наблюдается синонимическая замена одного образного выражения другим. Такое преобразование позволило переводчику более точно донести до русскоязычного адресата идею исходного высказывания и при этом сохранить его пафос.

Конкретизация – это «замена слова или словосочетания ИЯ с более широким значением словом или словосочетанием ПЯ с более узким значением» [8, с. 128]. По мнению Г. В. Терехова, прием конкретизации можно охарактеризовать как использование «более точных или конкретных соответствий или оттенков значений, чем те, которые можно найти в двуязычных словарях» [14, с. 45]. В свою очередь, В. Н. Комиссаров подчеркивает, что конкретизация предполагает лексико-семантическую замену единицы ИЯ, которая обладает более широким значением, единицей ПЯ с более узким значением [3, с. 409].

Конкретизация может быть языковой и контекстуальной (речевой). При языковой конкретизации замена слова с широким значением на слово с более узким значением связана с расхождениями в строе двух языков: либо отсутствием в ПЯ лексической единицы, имеющей столь же широкое значение, что и передаваемая единица ИЯ, либо расхождениями в их стилистических характеристиках. Такие трансформации чаще всего наблюдаются при переводе акцентирующих глаголов и прилагательных.

Как правило, адъективные акцентуаторы, которые преобразуются путем конкретизации, относятся к микрополю оценки. Например, прилагательное *好*, имеющее основное значение ‘хороший’, в зависимости от контекста может переводиться лексемами *лучший*, *красивый*, *надежный* и другими прилагательными с положительной коннотацией:

(6) 中俄两国永做好邻居, **好朋友**, **好伙伴** ‘Быть **хорошими** соседками, **хорошими** друзьями, **хорошими** партнерами...’ – *Быть **добрыми** соседками, **лучшими** друзьями, **надежными** партнерами...* (KB-3).

В примере (6) один и тот же аксиологический акцентуатор переводится тремя разными прилагательными. Прием конкретизации применяется в данном случае для более точной передачи оценочного значения.

(7) 中国**从始至终**奉行独立自主的和平外交政策 ‘Китай **от начала и до конца** проводит независимую и самостоятельную мирную внешнюю политику’ – *Китай **последовательно** проводит независимую и самостоятельную мирную внешнюю политику* (KB-5).

Использование конкретизации (замена выражения *从始至终* ‘от начала и до конца’ наречием *последовательно*) в данном примере позволяет передать категоричность высказывания.

(8) 英国职工反对冻结工资斗争**持续发展** ‘Борьба британских рабочих против замораживания заработной платы **непрерывно развивается**’ – ***Ширится** борьба английских трудящихся против замораживания заработной платы* (KB-6).

В примере (8) переводчик заменил выражение *持续发展* ‘непрерывно развиваться’ глаголом *ширится*, который имеет более конкретное значение.

Генерализация – это явление, обратное конкретизации, представляющее собой замену единиц ИЯ, имеющих более узкое значение, единицами ПЯ с более широким значением. Такая трансформация основана на соотношении частного и общего, видового понятия и родового.

(9) 许多**优秀俄罗斯儿女**在中国大地上献出宝贵生命 ‘Много российских **выдающихся сыновей и дочерей** пали на земле Китая’ – *Многие **выдающиеся дети русской земли** отдали свои жизни Китаю* (KB-7).

В примере (9) генерализации подвергается уточняющий акцентуатор: описательное выражение китайского языка 儿女 ‘сын и дочь’ передается в русском переводе существительным *дети*, которое обладает более широким (родовым) значением.

(10) 消除性别歧视, 促进男女平等, 增加妇女就业... ‘Изжить половую дискриминацию, добиться **равноправия мужчин и женщин**, расширить трудоустройство женщин...’ – *Устранение гендерной дискриминации, содействие гендерному равенству и расширение занятости женщин...* (KB-7).

В примере (10) наблюдается преобразование акцентуатора микрополя оценки: замена выражения **男女平等** ‘равноправие мужчин и женщин’ выражением *гендерное равенство*. Здесь важно учитывать следующую особенность китайского узуса: в китайском языковой практике принято размещать иероглиф 男 ‘мужчина’ перед иероглифом 女 ‘женщина’, как в выражении **男女平等** ‘равноправие мужчин и женщин’ (нельзя сказать *равноправие женщин и мужчин*). Считается, что отступление от принятой последовательности иероглифов позволяет не допускать гендерного неравенства на языковом уровне. Естественным предположить, что переводчик предпочитает использовать нейтральное словосочетание *гендерное равенство*, имеющее больший объем по сравнению с проблемным исходным выражением, чтобы оставаться в рамках социальной корректности.

Модуляция (смысловое развитие) понимается как «лексико-семантическая замена слова или словосочетания ИЯ единицей ПЯ, значение которой является логическим следствием значения исходной единицы» [3, с. 410]. Данный тип переводческих трансформаций активно используется при переводе оценочных и усилительных акцентуаторов. Он представлен тремя разновидностями – усилением, ослаблением и конкретизацией.

Усиление представляет собой смысловую интенсификацию исходной лексической единицы. В качестве примеров усиления можно привести несколько дискурсивных фрагментов.

(11) 世界各国面临难得的发展机遇 ‘Страны во всем мире испытывают **труднодостижимые возможности** для развития’ – *Перед различными странами мира встали **небывалые шансы** на развитие* (KB-6).

В примере (11) прием модуляции (замена оценочного выражения **难得的机遇** ‘труднодостижимые/редкие возможности’ сочетанием *небывалые шансы* позволяет усилить оценку.

(12) 这个政策为美国人民带来了严重的负担和战争危险 ‘Эта политика **принесла серьезную нагрузку** на американский народ и опасность войны’ – *Эта политика **ложится тяжелым бременем** на американский народ и несет с собой опасность возникновения войны* (KB-6).

В китайском языке выражение **负担** ‘нагрузка’⁶ может соотноситься с двумя частями речи – глаголом (*нести на спине, нести на плечах, обременять*) и существительным (*нагрузка, обуза, тяготы*). В примере (12) очевидно, что после прилагательного **严重的** ‘серьезный’ должно следовать существительное **负担** ‘нагрузка’ [15, с. 233–259]. В процессе переводческой трансформации оценочное выражение **严重的负担** ‘серьезная нагрузка’ заменяется фразеологизмом *ложится тяжелым бременем*, который, помимо оценочного компонента, характеризуется образностью. Таким образом, здесь модуляция способствует усилению передаваемого значения в ПЯ по сравнению с ИЯ.

(13) 国家逐步扩充劳动者休息和休养的物质条件 ‘Государство **постепенно** расширяет материальные условия для отдыха и восстановления сил трудящихся’ – *Государство **постоянно** улучшает материальные условия отдыха трудящихся* (KB-8).

В высказывании (13) при переводе наречия **逐步** ‘постепенно’ переводчик интенсифицирует передаваемое значение, выбирая более сильный адвербиальный акцентуатор *постоянно*.

Добавление предусматривает включение в текст на ПЯ дополнительных языковых единиц в целях выражения подразумеваемой информации, содержащейся в тексте на ИЯ. Добавления «используются в качестве компенсации утрат, возникающих в результате опущения значимых для контекста компонентов семантики» [11, с. 53]. Причины, вызывающие необходимость лексических добавлений в тексте перевода, могут быть различны. «Одной из наиболее вероятных причин добавлений, по мнению специалистов, является “формальная невыраженность” словосочетания в ИЯ» [11, с. 158].

Нередко лексические добавления обуславливаются необходимостью передачи в тексте перевода значений, выражаемых в подлиннике грамматическими средствами.

(14) 我们的一切工作都是为了人民 ‘Вся наша работа **направлена на народ**’ – *Вся наша работа **направлена на благо народа*** (KB-2).

В примере (14) добавленная лексическая единица *благо* используется для компенсации утраты смыслового компонента: в китайском языке 为了 ‘направлено на’ имеет оценочный семантический компонент ‘ориентация на что-либо хорошее, на благо’.

В ряде случаев лексические добавления необходимы для восполнения содержания грамматической конструкции, более полного раскрытия ее смысла:

(15) 这次选举是在史无前例的法西斯镇压下进行的 ‘Выборы проводились **при беспрецедентном** фашистском подавлении’ – *Эти выборы проходили в обстановке беспрецедентных фашистских репрессий* (КВ-4).

В примере (15) имеет место случай добавления в целях компенсации формальной невыраженности единицы *в обстановке*. В китайском языке выделенный акцентуатор категоричности 在...下 представляет собой грамматическую конструкцию, состоящую из предлога и локатива и имеющую значение ‘при каком-то условии’ или ‘в какой-то ситуации’. В переводе на русский язык данное значение восполняется формально.

(16) 不遵守国际秩序, 为人民带来的不会是和平而只能是**战争危险** ‘Несоблюдение международного порядка принесет людям не мир, а только **военную опасность**’ – *Несоблюдение международного порядка принесет людям не мир, а только опасность возникновения войны* (КВ-4).

Выделенный в оригинальном тексте китайский акцентуатор 战争危险 дословно переводится словосочетанием ‘военная опасность’ (战争 ‘военный’ и 危险 ‘опасность’). В русском языке выражение *военная опасность* обозначает состояние межгосударственных и международных отношений, характеризующееся угрозой войны или военного конфликта [16, с. 32]. В китайском языке выражение 战争危险 используется не для обозначения состояния вообще, а для называния конкретного вида опасности, а именно опасности возникновения войны. Из-за таких семантических расхождений русских и китайских языковых единиц переводчик, вероятно, трансформирует исходное сочетание 战争危险 ‘военная опасность’ в конструкцию *опасность возникновения войны*, добавляя слово *возникновение*, которое в оригинале отсутствует.

Рассмотренные пять приемов лексических трансформаций тесно связаны с различными микрополями категории акцентности: оценки, категоричности, усиления, уточнения. Условием эффективного использования лексических трансформаций при переводе китайских акцентуаторов на русский язык является учет комплекса значений языковых единиц ИЯ и ПЯ – семантического, грамматического и прагматического, а также учет социокультурного контекста и специфики коммуникативной ситуации.

2. Грамматические трансформации. Сущность грамматических трансформаций заключается в перестройке предложения, т. е. в изменении его структуры. Они связаны с осуществлением всевозможных замен как синтаксического, так и морфологического порядка. По определению Я. И. Рецкера, грамматическая трансформация представляет собой «преобразование структуры предложения в процессе перевода в соответствии с нормами переводящего языка» [6, с. 84].

Можно выделить два вида грамматических трансформаций – полную и частичную [17].

Полная грамматическая трансформация может иметь следующие проявления:

1) изменение субъектно-предикатной структуры высказывания, представленное двумя вариантами:

а) преобразованием личной конструкции в безличную:

(17) 这些成就, 可以告慰那些为民族振兴前赴后继的先辈们, 也让当代中国人感到自豪! ‘Эти достижения могут порадовать тех предков, которые оживили нацию, а также вызывать гордость современных китайцев!’ – *Нам есть о чем сказать и доложить нашим дедам и отцам, которые самоотверженно боролись за подъем и возрождение китайской нации, и есть чем гордиться каждому китайцу-современнику* (КВ-8);

б) трансформацией безличного предложения в личное:

(18) 在扩大对外开放中, 要十分注意维护国家经济安全 ‘При расширении открытости для внешнего мира **необходимо** уделять большое внимание поддержанию национальной экономической безопасности’ – *При расширении открытости внешнему миру мы должны уделять большое внимание обеспечению национальной экономической безопасности* (КВ-1).

В данном случае односоставная конструкция преобразуется в двусоставную с выраженной предикативной основой;

2) изменение порядка следования частей сложного предложения – главной и придаточной:

(19) 梅德韦杰夫总统发表了热情洋溢的讲话，对中俄关系发展成果作了概括和总结，并就两国关系未来发展提出了很好的建议，我们对此很感兴趣 ‘Президент Д. Медведев высказал свое мнение о пройденном пути китайско-российских отношений и их перспективе, что вызвало наш интерес’ – *С огромным интересом мы выслушали речь президента Д. Медведева, в которой изложены его видение на пройденный путь китайско-российских отношений и их перспективы* (KB-9).

В примере (19) придаточная часть исходного (китайского) предложения в результате трансформации входит в состав главной части этого предложения на русском языке;

3) упрощение синтаксической структуры – преобразование сложного предложения в простое:

(20) 我们要实现富裕幸福的生活，还要进行长期艰巨的努力 ‘Нам еще необходимо приложить долгие тяжелые усилия, чтобы все люди могли жить богатой и счастливой жизнью’ – *Наши задачи по развитию экономики и улучшению жизни народа очень тяжелые* (KB-8).

(21) 环顾世界，和平与发展仍然是当今时代两大主题 ‘Глядя на весь мир, мир и развитие по-прежнему остаются двумя основными темами этой эпохи’ – *В нашем мире основной темой по-прежнему остаются мир и развитие* (KB-10);

4) усложнение грамматической структуры – преобразование простого предложения в сложное:

(22) 我们要深深记住这个教训，切实加以改进 ‘Мы должны глубоко **запомнить** этот урок и улучшить его практически’ – *Нам нужно глубоко **усвоить** этот урок, чтобы действительно улучшить положение* (KB-9).

Здесь простое предложение с однородными сказуемыми трансформируется в сложное предложение с придаточным цели.

(23) 在胜利的时候要看到前进道路上的困难 ‘**В победный момент** надо видеть предстоящие трудности’ – *Когда одержана победа, нужно видеть трудности на пути продвижения вперед* (KB-8).

В примере (23) усложнение грамматической структуры дополняется преобразованием морфологического плана: происходит замена прилагательного на существительное. Также наблюдается замена устойчивого выражения *в победный момент* на предикативное сочетание *когда одержана победа*, в котором основной смысловой компонент как раз представлен существительным. В оригинале конструкция 在胜利的时候 ‘в победный момент’ является обстоятельством времени. Для русского языка характерно использование в качестве показателя времени предикативных конструкций типа *когда* в составе сложных предложений (как в высказывании (23));

5) изменение морфологических категорий – прием грамматических трансформаций, расширяющий понимание данного явления. Полная грамматическая трансформация имеет место в том случае, если в ПЯ меняется морфологическая категория исходного акцентуатора. При этом при замене членов предложения, отдельных слов и групп слов в тексте перевода происходит перестройка синтаксической структуры предложения исходного языка:

(24) 应该鼓励社区全体人民广泛参加选举 ‘Следует поощрять всех людей в сообществе **широко участвовать** в выборах’ – *Следует поощрять всех людей в сообществе к **широкому участию** в выборах* (KB-12).

Здесь глагол заменяется существительным. Некоторые слова русского языка способны быть только определением к существительному, тогда как их китайские эквиваленты могут выступать как определение и к глаголу, и к существительному, поэтому при переводе с китайского языка на русский возникает необходимость в преобразованиях. В примере (24) выражение 广泛参加 ‘широко участвовать’ соответствует модели *наречие + глагол*. В официальном переводе на русский язык применяется модель *прилагательное + существительное*, эквивалентная оригиналу в смысловом плане и адекватная грамматике переводящего языка.

(25) 青年人充满生机和活力，最具创新精神 ‘**Молодые люди** полны энергии и жизненных сил, они **самые обладающие духом новаторства**’ – *Молодежь наполнена жизненными силами и энергией, она в **максимальной степени обладает духом инноваций*** (KB-12).

В данном случае наблюдаются две морфологические трансформации: а) выражение 青年人 ‘молодые люди’ заменяется собирательным существительным *молодежь*; б) аксиологическая семантика суперлатива 最具创新精神 ‘самые обладающие духом новаторства’ передается с помощью описатель-

ной глагольной конструкции, которая полностью соответствует грамматическим параметрам русского языка.

Частичные грамматические трансформации, как правило, заключаются в изменении грамматических конструкций, содержащих служебные слова китайского языка, которые не имеют полного соответствия в русском языке.

Анализ речевого материала позволил выделить три вида частичных грамматических трансформаций:

1) замены касаются слов, относящихся к разным грамматическим категориям. В проанализированном материале частотны примеры трансформаций, касающихся форм степеней сравнения прилагательных:

(26) ...为此提供最大的支持与协助 ‘...оказывать **самую большую** поддержку и содействие в этом’ – ...оказывать **еще большую** поддержку и содействие в этом (КВ-19).

В примере 26 происходит замена превосходной степени прилагательного формой сравнительной степени.

(27) 丝绸之路留给我们的**最重要**精神财富和宝贵经验就是«和平合作、开放包容、互学互鉴、互利共赢»的理念 ‘**Самым важным** духовным богатством и ценным опытом, оставленным Шелковым путем, является концепция мирного сотрудничества, открытости и терпимости, взаимного обучения, взаимной выгоды и взаимовыгодного сотрудничества’ – **Важнейшее** духовное богатство и ценный опыт, которые оставил нам Шелковый путь, состоят в следующих принципах: мир и сотрудничество, открытость и инклюзивность, взаимная учеба и обмен опытом, взаимная выгода и совместный выигрыш (КВ-1).

В данном случае аналитическая форма суперлатива меняется на синтетическую. В китайском языке, в отличие от русского, компаративные и суперлативные формы образуются только аналитически. Это обуславливает необходимость трансформаций, таких как в примерах (26) и (27);

2) перестановка как вид грамматической переводческой трансформации – это «изменение расположения (порядка следования) языковых элементов в тексте перевода по сравнению с текстом подлинника» [6, с. 98]. Перестановке могут подвергаться различные элементы: слова, словосочетания, части сложного предложения, самостоятельные предложения [6, с. 98]:

(28) 民族振兴的**根本途径**与第一要务是发展 ‘**Основным способом** национальной активизации и первой важной задачей **является развитие**’ – **Развитие** – это основной путь, ведущий к возрождению нации и задача номер один (КВ-9).

В данном случае перестановка компонентов предложения позволяет достичь прагматилистического эффекта: высказывание на русском языке приобретает экспрессивность за счет инвертированного порядка слов. По мнению исследователей, основной причиной перестановок является различие в строе (порядке слов) предложения в китайском и русском языках;

3) опущения, возможность использования которых связана с тем, что в китайском языке существует небольшая группа так называемых семантически пустых глаголов, входящих в группу сказуемого и употребляемых в стилистических целях для придания книжности речи. К ним относятся такие слова, как 加以, 给予, 予以, 得以. Эти сочетания не имеют точного значения, они приобретают смысл только вместе с глаголами или существительными. При переводе они обычно опускаются:

(29) 这十年, 我们齐心协力, 及时**予以调整**工作 ‘За эти истекшие десять лет мы трудились общими силами, своевременно **корректировали** работу’ – За эти истекшие десять лет мы трудились общими силами, своевременно **упорядочили** работу (КВ-8).

(30) 我们要深深记住这个教训, **切实加以改进** ‘Мы должны глубоко запомнить этот урок и улучшить его практически’ – Нам нужно глубоко усвоить этот урок, чтобы действительно улучшить положение (КВ-8).

Опущения также используются, если из текста необходимо исключить избыточную информацию. Одним из примеров избыточности является свойственное всем стилям письменной речи китайского языка употребление так называемых парных синонимов. Для русского языка такое явление не характерно, поэтому при переводе в подобных случаях необходимо прибегнуть к опущению, т. е. к элиминации одного из повторяющихся компонентов китайского выражения:

(31) 此时此刻, 我们有一个共同的感觉 ‘**В эту минуту и данный момент** мы все одинаково чувствуем...’ – **В этот момент** мы все одинаково чувствуем... (КВ-17).

В данном примере словосочетание 此时此刻 образовано парными синонимами (此时 ‘эта минута’ и 此刻 ‘этот момент’). Как видно, при переводе часть указанного выражения опускается без смысловой потери.

Необходимость использования грамматических трансформаций объясняется двумя основными причинами: во-первых, основанием для переводческих преобразований служат внутренние языковые факторы, такие как сочетаемость и коммуникативная структура высказываний в типологически далеких языках – китайском и русском; во-вторых, применение различных видов грамматических трансформаций обусловлено прагматическими факторами, в частности стремлением к тому, чтобы текст перевода как можно более точно передал всю информацию, заключенную в тексте оригинала при соблюдении соответствующих норм переводящего языка. Это особенно важно в политическом дискурсе при репродуцировании высказываний политических лидеров.

3. Лексико-грамматические трансформации. Данный тип трансформаций связан с преобразованием лексических и грамматических компонентов высказывания (текста) ИЯ. Их суть заключается в изменении формальных (лексических и грамматических) компонентов исходного текста при сохранении информации, предназначенной для передачи [3].

Как показал анализ, при переводе с китайского языка на русский лексико-грамматическим трансформациям подвергаются четыре группы языковых средств с акцентирующим значением (см. [18]).

Первую группу составляют *акцентуаторы, относящиеся к языку вэньянь*. Вэньянь – это древнекитайский литературный язык, который сложился на основе живых диалектов. Он сохранил морфологические и синтаксические нормы древнекитайского языка, который существовал прежде всего в письменной форме и чаще всего встречался в текстах официального стиля. Вэньянь не характерен для современного китайского языка, и поэтому при переводе акцентирующих элементов вэньяня следует использовать лексико-грамматические трансформации. В политическом дискурсе вэньянь является одним из главных способов выражения микрополя оценки:

(32) 亚洲人民深知，世界上没有放之四海而皆准的发展模式 ‘Азиатские народы хорошо знают, что в мире не существует **универсальной** модели развития’ – *Азиатские народы хорошо знают, что в мире нет модели и пути развития, верных для каждого и всех* (KB-9).

В примере (32) используется два слова из вэньяня: наречие 皆 ‘все/всё’ и прилагательное 准 ‘точный, правильный, верный’. Наречие 皆 ‘все/всё’ принадлежит к микрополю усиления, прилагательное 准 ‘точный, правильный, верный’ относится к микрополю оценки. Таким образом, характерное для вэньяня сочетание слов 皆准 *JĪE ZHŪN*, которому в современном языке часто соответствует одно слово 皆准 ‘универсальный’, вербализует одновременно оценку и усиление. Использование при переводе на русский язык выражения *верных для каждого и всех* представляет собой пример лексико-грамматической трансформации: на лексическом уровне применен синонимический перевод, на грамматическом уровне произошла замена частей речи. При этом в тексте перевода сохраняются акцентирующие значения усиления и оценки.

(33) 我们应珍惜机遇、抓住机遇，各施所长、各尽所能 ‘Мы должны ценить этот момент, ловить и использовать его, **каждый** дает **все** возможное, **каждый** проявляет **все** способности’ – *Мы должны ценить этот момент, ловить и использовать его, прилагать все возможные усилия, всесторонне развивать потенциал, проявлять свои сильные стороны* (KB-11).

В примере (33) использовано определительное местоимение 各 ‘каждый’, которое может употребляться перед сказуемым (входит в группу сказуемого) или перед подлежащим (тогда входит в группу подлежащего). При переводе древнекитайского иероглифа 各 ‘каждый’ применяется два варианта трансформации: во-первых, происходит замена прилагательного местоимением 各 ‘каждый’ – *все*; во-вторых, акцентуатор 各 ‘каждый’ опускается в авторском переводе. При передаче акцентуатора 所 ‘все’ имеет место не только лексическая замена (определительное местоимение заменяется притяжательным местоимением: 所 ‘все’ – *свои*), но и морфологическая (преобразование местоимения в наречие: 所 ‘все’ – *всесторонне*). Такая трансформация позволяет сохранить значение уточнения, передаваемое китайским акцентуатором.

Вторую группу акцентирующих языковых средств, регулярно подвергающихся лексико-грамматическим трансформациям, образуют *фразеологизмы* – устойчивые обороты речи, которые относятся к категории образных акцентуаторов. Как отмечает Д. В. Зайков, во фразеологизмах качественной характеристики «значение качества усиливается значением высокой степени проявления признака, что говорит о взаимосвязи двух категорий для человеческого мышления при образовании фразеологических единиц» [19]. Этим и объясняется ключевое место фразеологизмов в микрополе оценки.

Лексико-грамматические преобразования при переводе устойчивых выражений заключаются в том, что фразеологизмы китайского языка в русских текстах могут меняться на:

а) свободное сочетание:

(34) 女士们、先生们、朋友们! 中国人说, “万事开头难” ‘Дамы и господа, дорогие друзья! У себя в Китае мы часто говорим: **начинать всегда трудно**’ – Дамы и господа, дорогие друзья! У себя в Китае мы часто говорим: «**Начало пути – это самая трудная его часть**» (КВ-12).

(35) 正如我们所说, «桃李不言, 下自成蹊» ‘Персики и сливы не могут говорить, но мир бьет путь к ним’ – Как гласит китайская поговорка, персиковые и сливовые деревья безмолвны, однако под ними всегда образуется тропа от тянущихся к ним людей (КВ-21);

б) слово:

(36) 改革开放30多年来, 中国发展取得了举世瞩目的成就 ‘За 30 лет проведения политики реформ и открытости развитие Китая достигло **всемирно известных успехов**’ – За 30 лет проведения политики реформ и открытости Китай добился **заметных успехов в развитии** (КВ-1);

в) фразеологизм (близкий по семантике, но отличающийся от исходного лексико-грамматической формой):

(37) 两国人民友谊源远流长 ‘Дружба наших народов – **исток далек, течение – длинно**’ – Дружба наших народов **уходит в далекое прошлое** (КВ-13);

г) речевое публицистическое клише:

(38) 弘扬伟大的抗战精神, 万众一心, 风雨无阻 向着我们既定的目标继续奋勇前进! ‘Продвигайте великий антияпонский дух, **все как один человек, невзирая на дождь и ветер**, будет неуклонно идти вперед к намеченной цели!’ – Продолжает и развивает великий дух патриотизма и великий дух в войне против японской агрессии, **спланивается как один, с полной уверенностью и решимостью, хоть в бури и ураганы**, будет неуклонно идти вперед к намеченной цели! (КВ-4).

Как видно из примеров (34)–(38), лексико-грамматические преобразования при переводе фразеологизмов позволяют сохранить значение акцентуаторов микрополя оценки. Регулярное применение лексико-грамматических трансформаций при передаче китайских устойчивых сочетаний средствами русского языка, очевидно, связано с различиями в грамматических структурах и семантическом наполнении фразеологизмов в двух типологически разных языках.

К третьей группе акцентуаторов, трансформируемых лексически и грамматически в процессе перевода, можно отнести **коллокации** – «сочетания слов, в которых один компонент (опорный, или основной, несвободный) определяется смыслом сообщения, его темой и фразеологизирует сочетание, а другой компонент (свободный) характеризует опорное слово и является семантически ключевым словом» [20, с. 77].

В политическом дискурсе функционируют коллокации, входящие в состав микрополей активизации внимания и логичности. Примерами коллокаций, нацеленных на активизацию внимания адресата, служат такие выражения, как рус. *с особым чувством, в полном соответствии с и др.*; кит. 如出一轍 ‘то же самое’, 无一例外 ‘всех без исключения’, 与此同时 ‘вместе с тем’ и т. п.

При переводе коллокаций их стилистическая характеристика может изменяться, что связано с разной формой репрезентации семантического значения в ИЯ и ПЯ и служит проявлением лексико-грамматических преобразований.

(39) 这里, 我谈几点意见 ‘Здесь, у меня есть несколько комментариев’ – **При проведении этой работы нам надо руководствоваться следующими принципами** (КВ-15).

Китайский акцентуатор 这里 ‘здесь’, зафиксированный в примере (39), регулярно используется в политических выступлениях в роли акцентуатора активизации внимания. Этот смысловой оттенок в русском языке выражается разными способами: через использование слов и выражений *итак, таким образом, проводя эту работу, как уже было сказано* и т. д. В примере (39) имеет место трансформация не только грамматическая (замена частей речи), но и лексическая (употребление слов, конкретизирующих ситуацию). Акцентирующее значение, которым обладают китайские языковые единицы, часто утрачивается при переводе на русский язык, как в рассмотренном примере.

Среди коллокаций, относящихся к микрополю логичности изложения, в политическом дискурсе наиболее часто встречаются следующие акцентуаторы: 一来 ‘первым придет’ – *во-первых*; 如下 ‘как следующие’ – *ниже следует*; 方才 ‘просто’ – *как раз в то время, только что, недавний*.

(40) 最终实现中国自身发展和沿线各国的共同发展与繁荣 ‘Наконец, реализовать собственное развитие Китая и общее развитие и процветание в странах вдоль границы’ – *В конечном итоге речь идет о собственном развитии Китая, а также о совместном развитии и процветании Китая и государств, расположенных вдоль «одного пояса и одного пути»* (KB-12).

В примере (40) трансформируется и лексический состав выделенного выражения, и его грамматическая форма: использованная в китайском предложении превосходная степень прилагательного 最终 ‘финальный, конечный, окончательный, последний’⁷ при переводе заменяется сочетанием прилагательного и существительного. При этом значение логичности, свойственное китайскому акцентуатору, сохраняется.

Четвертая группа лексико-грамматических трансформаций включает преобразование акцентуатирующих языковых единиц, относящихся к разряду *неологизмов* – слов, терминологических выражений, которые появились в современном политическом дискурсе относительно недавно и поэтому не имеют прямых соответствий в русском языке. При дословном переводе этих вербальных единиц неизбежно меняется их стилистическая окраска, семантика, возникают дополнительные оттенки смысла. Вследствие этого переводчик вынужден прибегать к лексико-грамматическим трансформациям:

(41) 长期以来, 大家毗邻而居, 和睦相处, 互通有无, 形成了你中有我、我中有你的命运共同体 ‘В течение долгого времени все эти страны жили по соседству, ладили друг с другом, общались друг с другом, сформировав себя внутри вас, внутри меня есть ваша судьба’ – *На протяжении длительного периода все эти страны жили рядом в мире и согласии, развивали взаимовыгодный обмен, сформировав сообщество общей судьбы, основанное на том, что жизнь каждого отражается в жизни всех, а жизнь всех отражается в жизни каждого* (KB-12).

Использованная в китайском тексте конструкция 你中有我-我中有你 ‘я внутри вас, внутри меня есть вы’ – это метафора, описывающая близкие отношения между странами, выступающая в роли оценочного акцентуатора. Если это выражение перевести на русский язык дословно, то, во-первых, утратится публицистическая окраска, свойственная оригинальному высказыванию, во-вторых, эта языковая конструкция потеряет статус устойчивого выражения. Указанные причины обуславливают необходимость применения в данном случае лексико-грамматической замены, которая позволяет сохранить оценочное значение китайского акцентуатора.

(42) 反«四风», 我们绝不容许有«半途而废» ‘Противостоять **четырем ветрам**, мы никогда не допустим «на полпути»’ – *Противодействуя «четырем плохим политическим атмосферам», мы никогда не допустим «половину пути»* (KB-8).

Термин 四风 ‘четыре ветра’ был предложен Си Цзиньпином на Рабочей конференции Коммунистической партии Китая по вопросам образования и практической деятельности в сфере массовых коммуникаций, состоявшейся в Пекине 18 июня 2013 г. Это собирательный термин для обозначения формализма, бюрократии, гедонизма и роскоши. Си Цзиньпин указал, что эти «четыре ветра» противостоят природе и целям партии. Они являются наиболее ненавистными и отражают проблемы нынешних масс, а также являются важным источником ущерба для отношений между партией и обществом. Дословный перевод не может правильно передать смысл этого термина, что определяет необходимость использования лексико-грамматической трансформации.

(43) 离不开但又难融入城市是新生代农民工的巨大困境 ‘Неразделимая, но трудная интеграция в город – это огромная дилемма **крестьянских рабочих нового поколения**’ – *Неразделимая, но трудная для интеграции в город – огромная дилемма, с которой сталкиваются трудовые мигранты в современном обществе* (KB-5).

Данный пример нуждается в страноведческом комментарии: 31 января 2010 г. в государственном документе № 1 «Несколько заключений об усилении общего планирования городского и сельского развития и дальнейшем укреплении основы сельскохозяйственного и сельского развития» от 2010 г., опубликованном государственным советом, впервые был использован термин 新生代农民工 ‘крестьянские рабочие нового поколения’ – молодые люди, которые мигрируют из сельских районов в города, чтобы

заниматься физическим трудом. Хотя они родились в сельской местности, у них обычно высокий уровень образования, высокие карьерные ожидания и требования к материальным и духовным удовольствиям, а также низкая толерантность к работе. Дословный перевод выражения 农民工 ‘крестьянские рабочие’ не способен передать потенциальный смысл того, что эти рабочие из сельской местности. Поэтому совершенно естественно и оправданно, что переводчик выбрал слово *мигранты*, которое адекватно передает смысл исходного высказывания. Дословный перевод выражения 新生代 ‘новое поколение’ в данном контексте также не был бы уместным. Выражение *мигранты нового поколения* в русскоязычной интерпретации обозначает ‘дети мигрантов старого поколения, живущие в городе с рождения’, но это не соответствует действительности. Как уже было сказано, это люди, которые родились в сельской местности. Для того чтобы у адресата политического выступления при восприятии сообщения не возникало лишних вопросов, переводчик выбрал выражение *мигранты в современном обществе*, позволяющее передать смысл сообщения и одновременно избежать недоразумений из-за отсутствия у слушателя необходимой лингвокультурологической информации (фоновых знаний).

В политическом дискурсе отражаются языковые и литературные различия, которые существуют между русским и китайским языками. Именно поэтому перевод всегда отличается от оригинала определенными сдвигами, которые должны компенсироваться. Перевод должен максимально сохранить акцентирующий смысл оригинала (ИЯ), но вместе с тем отражать историческое и национальное своеобразие ПЯ. Задача переводчика состоит в том, чтобы найти нужное слово, которое было бы адекватно ИЯ, т. е. имело бы то же значение, ту же стилистическую окраску и вызывало бы у читателя те же ассоциации. Без использования лексико-грамматических трансформаций невозможно достигнуть адекватности и эквивалентности при передаче китайских акцентуаторов средствами русского языка.

Заключение

При переводе акцентирующих вербальных единиц с китайского языка на русский применяются три типа трансформаций: лексические, грамматические и лексико-грамматические. Способы дифференциации каждого из указанных типов китайско-русских переводческих преобразований акцентуаторов применительно к политическому дискурсу в данной статье выделены впервые.

Лексические трансформации заключаются в замене лексемы ИЯ неэквивалентными лексическими средствами ПЯ при сохранении исходного смыслового значения акцентуатора. К ним относятся синонимический перевод, конкретизация, генерализация, модуляция, добавление. Данные виды лексических преобразований позволяют приспособить значение акцентирующей вербальной единицы ИЯ к контексту ПЯ без ущерба для смысловой точности.

Грамматические трансформации предполагают полное или частичное изменение синтаксической структуры и (или) морфологических категорий акцентирующих единиц ИЯ. При полной трансформации происходят изменение субъектно-предикатной структуры высказывания (преобразование личной конструкции в безличную, трансформация безличного предложения в личное), изменение порядка следования частей сложного предложения (главной и придаточной), упрощение синтаксической структуры (преобразование сложного предложения в простое, усложнение грамматической структуры), преобразование простого предложения в сложное, изменение морфологической категории. Видами частичной трансформации являются замена, перестановка, опущение. Причинами грамматических переводческих преобразований служат, во-первых, внутренние языковые факторы (сочетаемость и коммуникативная структура высказываний в типологически далеких языках – китайском и русском), во-вторых, прагматические факторы (в частности, стремлением к тому, чтобы текст перевода как можно более точно передал всю информацию, заключенную в тексте оригинала при соблюдении соответствующих норм ПЯ).

Лексико-грамматические трансформации представляют собой преобразование формальных (лексических и грамматических) компонентов акцентирующих конструкций ИЯ (вэньянь, фразеологизмы, коллокации, неологизмы) при сохранении информации, предназначенной для передачи на ПЯ. Необходимость использования лексико-грамматических трансформаций вызвана различием лексико-грамматического строя китайского и русского языков, непереводаемостью оригинальных синтаксических конструкций и несовпадением способов выражения грамматического и лексического значений в сопоставляемых языках.

Условием эффективного использования трансформаций при передаче китайских акцентуаторов средствами русского языка служит учет комплекса значений языковых единиц ИЯ и ПЯ (семантического, грамматического и прагматического), а также социокультурного контекста и специфики коммуникативной ситуации.

Трансформации при переводе китайских акцентуаторов на русский язык способствуют адекватной трансляции оригинальных смыслов на новое семантическое поле, что особенно важно в политическом дискурсе при репродуцировании высказываний политических лидеров.

Сокращения

КВ-1 – в «Азиатско-Тихоокеанском экономическом сотрудничестве» на саммите лидеров на встрече по взаимодействию и мерам доверия в Азии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/zyjh/> (дата обращения: 01.09.2016); **КВ-2** –中华人民共和国主席胡锦涛在《中国年》开幕式上的致词 = Выступление председателя КНР Ху Цзиньтао на церемонии открытия Года Китая в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/zyjh/> (дата обращения: 01.09.2016); **КВ-3** – 在上海合作组织成员国元首理事会第七次会议上的讲话 = Выступление председателя КНР Ху Цзиньтао на 7-м заседании совета глав государств-членов ШОС [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/zyjh/> (дата обращения: 01.09.2016); **КВ-4** – 习近平在纪念抗战胜利70周年大会上发表重要讲话 = Полный текст выступления Си Цзиньпина на юбилейном торжестве по случаю 70-летия Победы в Войне сопротивления китайского народа японским захватчикам и Мировой антифашистской войне [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/zyjh/> (дата обращения: 01.09.2016); **КВ-5** – 胡锦涛在中俄建交60周年庆祝大会上的讲话 = Выступление Ху Цзиньтао на торжественном вечере, посвященном 60-летию установления дипотношений между Китаем и Россией [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/zyjh/> (дата обращения: 01.09.2016); **КВ-6** – 胡锦涛在二十国集团领导人第四次峰会上的讲话 = Выступление Ху Цзиньтао на 4-м саммите «Группы 20» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/zyjh/> (дата обращения: 01.09.2016); **КВ-7** – 温家宝在联合国千年发展目标高级别会议妇幼健康战略启动仪式上的发言 = Выступление Вэнь Цзябао на церемонии запуска стратегии здравоохранения женщин и детей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/zyjh/> (дата обращения: 01.09.2016); **КВ-8** – 胡锦涛在中国共产党第十八次全国代表大会上作报告 = Выступление Ху Цзиньтао на 18-м съезде КПК [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/zyjh/> (дата обращения: 01.09.2016); **КВ-9** – 习近平在联合国维和峰会上的讲话 = Выступление председателя КНР Си Цзиньпина на саммите ООН по миротворчеству [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/zyjh/> (дата обращения: 01.09.2016); **КВ-10** – 习近平主席在联合国发展峰会上的讲话 = Выступление председателя КНР Си Цзиньпина на саммите ООН по развитию [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/zyjh/> (дата обращения: 01.09.2016); **КВ-11** – 李辉大使在莫斯科大学亚非学院演讲 = Выступление посла КНР в РФ Ли Хуэя в ИСАА МГУ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/zyjh/> (дата обращения: 01.09.2016); **КВ-12** – 习近平一带一路论坛演讲 = Выступление Си Цзиньпина на форуме «Один пояс, один путь» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/zyjh/> (дата обращения: 01.09.2016); **КВ-13** – 李辉大使莫斯科交通大学演讲 = Выступление посла КНР в Московском государственном университете путей сообщения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/zyjh/> (дата обращения: 01.09.2016).

Библиографические ссылки

1. Иванова ТБ. Категория акцентности. В: Кожина МН, редактор. *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. Москва: Флинта; 2006. с. 120–126.
2. Чжао Наньнань. Структурно-семантическая организация категории акцентности в русском и китайском политическом дискурсе. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2018;2:103–113.
3. Комиссаров ВН. *Современное переводоведение*. Москва: ЭТС; 2002. 420 с.
4. Алимов ВВ. *Теория перевода*. Москва: URSS; 2015. 237 с. Совместно с издательством «Ленанд».
5. Никитин ВИ. *Теория и практика перевода*. Новосибирск: СибАГС; 2004. 262 с.
6. Рецкер ЯИ. *Теория перевода и переводческая практика*. Москва: Международные отношения; 1974. 216 с.
7. Алексеева ЛМ. *Специфика научного перевода (антропоцентрический аспект)*. Пермь: Издательство Пермского государственного национального исследовательского университета; 2013. 189 с.
8. Бархударов ЛС. *Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода*. Москва: Издательство ЛКИ; 2008. 235 с.
9. Швейцер АД. *Теория перевода: статус, проблемы, аспекты*. Москва: Наука; 1988. 215 с.
10. Абдрахимов ЛГ, Щичко ВФ. *Китайский язык. Практический курс коммерческого перевода*. Москва: Восточная книга; 2011. 304 с.
11. Ростовцев ВА. *Теория перевода китайского языка*. Москва: Военный институт; 1997. 202 с.
12. Завьялова ВЛ. К проблеме перевода акцентной речи. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2013;9:108–116.
13. Чжао Наньнань. Лексические переводческие трансформации при передаче китайских акцентуаторов средствами русского языка. *Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология*. 2018;6:102–108.
14. Терехова ГВ. *Теория и практика перевода*. Оренбург: Оренбургский государственный университет; 2004. 103 с.
15. 陈光磊. 汉语词法论. 北京: 学林出版社; 2001. 304页 = Чен Гуанлэй. *Китайская морфология*. Пекин: Xuelin; 2001. 304 с.
16. Данилевич АА. *Война и мир в терминах и определениях*. Москва: ПоРог; 2004. 623 с.
17. Чжао Наньнань. Грамматические трансформации при переводе акцентуаторов с китайского языка на русский. У: Тананушка КА, редактор. *Мова і література. Матеріали 75-ї наукової конференції студентів і аспірантів філологічного факультету БДУ; 25 красавіка 2018 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: РІВШ; 2018. с. 156–159.
18. Чжао Наньнань. Лексико-грамматические преобразования в передаче китайской акцентуации средствами русского языка. *Вестник БДПУ. Серия 1. Педагогика. Психология. Филология*. 2019;2:130–134.
19. Зайков ДВ. Семантические свойства фразеологических единиц, составляющих макрополе меры и степени статичного признака (на материале русского и английского языков). *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика*. 2013;10(1):112–117.
20. Борисова ЕГ. Фразеологическое значение в устойчивых словосочетаниях. *Филологические науки*. 1994;4:77–84.

References

1. Ivanova TB. [Accent category]. In: Kozhina MN, editor. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopaedical dictionary of the Russian language]. Moscow: Flint; 2006. p. 120–126. Russian.
2. Zhao Nannan. [Structural and semantic organisation of the accentuation category in Russian and Chinese political discourse]. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2018;2:103–113. Russian.
3. Komissarov VN. *Sovremennoe perevodovedenie* [Modern translation studies]. Moscow: ETS; 2002. 420 p. Russian.
4. Alimov VV. *Teoriya perevoda* [Translation theory]. Moscow: URSS; 2015. 237 p. Co-published by the «Lenand». Russian.
5. Nikitin VI. *Teoriya i praktika perevoda* [Theory and practice of translation]. Novosibirsk: SibAGS; 2004. 262 p. Russian.
6. Retsker YaI. *Teoriya perevoda i perevodcheskaja praktika* [Translation theory and translation practice]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 1974. 216 p. Russian.
7. Alekseeva LM. *Spetsifika nauchnogo perevoda (antropotsentricheskii aspekt)* [Specificity of scientific translation (anthropocentric aspect)]. Perm: Perm State National Research University publishing house; 2013. 189 p. Russian.
8. Barkhudarov LS. *Yazyk i perevod: voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda* [Language and translation: questions of general and particular theory of translation]. Moscow: Publishing house of LKI; 2008. 235 p. Russian.
9. Schweitzer AD. *Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty* [Translation theory: status, problems, aspects]. Moscow: Nauka; 1988. 215 p. Russian.
10. Abdrakhimov LG, Shchichko VF. *Kitaiskii yazyk. Prakticheskii kurs kommercheskogo perevoda* [Chinese. A practical course in commercial translation]. Moscow: Vostochnaya kniga; 2011. 304 p. Russian.
11. Rostovtsev VA. *Teoriya perevoda kitaiskogo yazyka* [Chinese translation theory]. Moscow: Voennyi institut; 1997. 202 p. Russian.
12. Zavyalova VL. To the problem of interpreting accented speech. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2013;9:108–116. Russian.
13. Zhao Nannan. Lexical transformations in the translation of accentuators from Chinese into Russian. *Bulletin of the Minsk State Linguistic University. Series 1. Philology*. 2018;6:102–108. Russian.
14. Terekhova GV. *Teoriya i praktika perevoda* [Theory and practice of translation]. Orenburg: Orenburg State University; 2004. 103 p. Russian.
15. Chen Guanglei. *Hanyu cifa lun* [Chinese morphology]. Beijing: Xuelin publishing; 2001. 304 p. Chinese.
16. Danilevich AA. *Voina i mir v terminakh i opredeleniyakh* [War and peace in terms and definitions]. Moscow: PoRog; 2004. 623 p. Russian.
17. Zhao Nannan. [Grammatical transformations when translating accentuators from Chinese into Russian]. In: Tananushka KA, editor. *Mova i litaratura. Matjeryjaly 75-j navukovaj kanferjencyi studjentaŭ i acpirantaŭ filalalagichnaga fakul'tjeta BDU; 25 krasavika 2018 g.; Minsk, Belarus'* [Language and literature. Proceedings of the 75th scientific conference of students and graduate students of the philological faculty of BSU; 2018 April 25; Minsk, Belarus]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2018; p. 156–159. Russian.
18. Zhao Nannan. Lexico-grammatical transformations in the transmission of Chinese accentuation by means of the Russian language. *BSPU Bulletin. Series 1. Pedagogic. Psychology. Philology*. 2019;2:130–134. Russian.
19. Zaykov DV. Semantic properties of phraseological units constituting the macrofield of measure and degree of a static character (on the material of the Russian and English languages). *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*. 2013;10(1): 112–117. Russian.
20. Borisova EG. [Phraseological meaning in stable phrases]. *Filologicheskie nauki*. 1994;4:77–84. Russian.

Статья поступила в редколлегию 21.04.2021.

Received by editorial board 21.04.2021.